

Живет в Харькове (Украина).

* * *

Ну и резанула же - кривыми ножами
идея возвращения.
Иероглиф чернильной боли на молоке
медленно расползается по темени.
Кто-то прошелся вальвулотомом по клапану сердца.
Вернуться? К тебе? Невозможное - возможно? Да ну его к черту!
Так трощит скрипку подбородком безумный музыкант,
так удивленный стекольщик
сдавливает пальцами перерезанную вену,
но музыка пробивается - толчками, сгустками, овалами.
Маэстро, смертельно простуженный временем,
отхаркивает на ноты мелких красных улиток без панцирей.
Голые деревья валятся в ряд под натиском ветра -
валятся шеренга из костяшек домино.
Идея вернуться к тебе торчит между лопаток,
как шпага тореадора.

Вибрирует тяжелой уродливой струной.
Стоит ли возвращаться?
Идти сквозь паутину прошедшего,
выставив пятерню и сощурив глаза?
Может, и не существует никаких возвращений?
То, что вчера было блюдом со слезами влюбленных,
сегодня - банальность, салициловая кислота.
Я никогда не вернусь - но мысленно делал это не раз,
обвязавшись веревкой - уходил в буран невозможного,
веревка натягивалась, скрипели колки тысячи скрипок,
предательски тонко визжал стальной трос буксира.
Может, не стоит тревожить призраков и богов?
Не стоит возвращаться? Возвращение -
ностальгия котлеты по говяжьим ляжкам и травяной благодати.
Каждый третий здесь инопланетянин.
Плотник Иосиф
построй мне деревянный вертолет, чтобы смог я вернуться -
инкогнито. На несколько минут
пролететь над замершими в дивных позах днями —
над спящими прозрачными младенцами,
а внутри младенцев цветочным роями
кружатся, беснуются души миров,
утраченных навеки.

* * *

Ветка легонько бьётся в окно.
Равномерное постукивание вязальных спиц.
Звуки сливаются в оглушительное волшебство тишины —
тишина на фоне мелкого шума, как девушка,
что вышла из моря — она по-русалочьи ловко отряхивает волосы,
выжимает их и кладёт себе на плечо, как солдат мушкет.
И я беру девушку за руку — доверчивая и нежная —
и иду вместе с ней по парку, усыпанному звуками
(шапка Мономаха тишины утопает в драгоценных камнях).
Монета падает на асфальт,
воздух царапает чирх зажжённой спички,
и где-то вдалеке позвякивают кастаньеты трамвая.
Слепой человек на скамейке причмокивает губами —
его глаза-улитки ввалились внутрь, а рядом с ним
терпеливо сидит женщина, прямая и плоская,
как дева на иконе, и держит его за руку.
И сосны неподвижны в небесах, точно скалы. Так тихо,
что слышен скрип крошечных челюстей белок на соснах.
Тишина — это дорога из другого мира.
Фундаментальная стезя богов, проложенная через

музицирующий бедлам человечества.
В тишине мы зрим вечную сюрреальную толчею
и шествие слоновьих идей, образов, призраков.
Отодвинь бахромчатую ковбойскую завесу ноября.
И прислушайся к тишине... Это всё,
что останется от тебя.

* * *

Вагон метро качается, как метроном кошмара.
Берлинская стена из лиц и искривлённых взглядов.
Вот базальтовая женщина в очках. Что ей сегодня снилось?
От этого зависит судьба целой планеты.
Неужели она третья лишняя в самодостаточном мире?
Посторонняя насквозь, с мигренью и страстью
к белому шоколаду?
Жизнь непоправимо стареет и теряет каштаны.
У вселенной опускаются руки с фломастерами –
все миллиарды, всё летит к чёрту в тартарары!
Неужели в спектр радуги не входит цвет
её карих настороженных глаз? Кто-то выдрал
провод из кабеля человечества – авось никто не заметит.
Я смотрю на неё и чувствую –
что-то в мире идёт не так. Логика эгоиста мечет бисер,
но я не свинья разумная – бери выше!
Она – один из каратов алмаза, смысла моей жизни.
Без неё вчерашний день развалится на куски,
как халабуда бродяги под ливнем. Без неё
строки растекутся растаявшим мороженым.
А она по-носорожьи прямо смотрит в меня,
инстинктивно прижимает сумку к бедру,
где кошелек и ключи от дома. От иного мира.
И вся планета безнадёжно кишит бабочками Брэдбери,
полыхает людьми Брэдбери, как в немом кино.
И лик мира меняется ежесекундно,
ежеминутно, ежечасно,
точно его нещадно бьют током, танком, танку.

